

К сердцу зрителя

Третий звонок. Меркнет свет и фойе театра, постепенно смолкают шум и характерный, чуть приглушенный театральный говорок. Публика занимает свои места. Особенно радостно, что среди зрителей много молодежи. Она активно реагирует на происходящее на сцене, громко аплодирует, заразительно смеется. А ведь что может быть приятнее для актера, чем чувствовать этот живой контакт со зрительным залом, видеть, что к труду его проявляется интерес, что он полезен, нужен?

Да, в Уссурийском городском драматическом театре налицо заметные сдвиги. Увеличился интерес к его спектаклям, их посещаемость, улучшились финансовые дела театра. Все это — убедительное свидетельство определенных усилий, предпринимаемых театром для лучшего решения стоящих перед ним задач.

Из нескольких спектаклей, которые сейчас показываются зрителю, три — советских авторов: комедия-шутка «Миллион за улыбку» А. Софронова, пьеса Н. Шура «Заводские ребята» и комедия В. Шкваркина «Чужой ребенок». И уже само то обстоятельство, что основу репертуара в театре составляют советские пьесы, разумеется, радостно и заслуживает одобрения. Театр хочет вести со зрителем разговор о современности, показать замечательные душевные качества советского человека. Именно это во многом и вызывает интерес зрителя к работе этого творческого коллектива.

Каково же конкретное решение театром названных выше спектаклей, есть ли в его работе выискательность и требовательность к себе, творческое начало?

Нам кажется, в лучших спектаклях театра это начало есть. И тут хотелось бы назвать в первую очередь «Миллион за улыбку» А. Софронова — веселую комедию-шутку о жизни одной советской семьи. Спектакль этот смотрится легко, с

ЗАМЕТКИ О СПЕКТАКЛЯХ УССУРИЙСКОГО ГОРОДСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА

удовольствием. Чувствуется, что актеры работали с большим подъемом, и в результате на сцене действуют, ошибаются и поправляют свои ошибки живые люди, судьбы которых не можешь не принять близко к сердцу.

Комедия Софронова не претендует на большое звучание. Однако в ней намечены интересные характеры, есть острые комедийные положения. И безусловная заслуга режиссера Е. Ребника и занятых в спектакле актеров состоит в том, что они сумели увидеть и оттенить это лучшее, привнести в спектакль свое толкование пьесы, характеров действующих лиц.

В спектакле заслуживает быть отмеченным целый ряд интересных актерских работ. Запоминается, в частности, В. Кондрина, в роли Ольги Карташевой. Артистка создает очень обаятельный, жизненно достоверный образ. И хотя с Ольгой — Кондриной спектакль знакомит нас только в быту, кажется, что мы знаем ее и на работе, в больнице, в отношениях с товарищами, с пациентами. Ольга выходит победительницей из своеобразного «поединка» с Ниной — очередным увлечением своего мужа — не только в силу своих решительных и умных поступков, но и, как в этом наглядно убеждает зрителя актриса, в силу действительного превосходства своей личности.

Роль Ольги, эт решения которой, как уже сказано, во многом зависит достоверность основного действия — стержня спектакля, — является одновременно одной из наиболее трудных в нем. Ее партнершей — стержнейницей выступает в спектакле Нина (арт. Н. Барсега) — в общем-то

славная советская девушка, совершившая, однако, непростительную оплошность. Познакомившись с немолодым

уже архитектором Карташевым, она позволяет ему ухаживать за собой: он кажется ей интересным, умным, содержательным. Но за всем этим Нина не увидела главного — легкомыслия своего поступка.

Именно такой — не испорченной, не аморальной, а ошибающейся — и рисует Н. Барсега свою героиню. Молодой артистке, в целом нашедшей убедительное решение роли, следовало бы, однако, пожелать несколько ярче и последовательнее провести линию осуждения Ниной своей ошибки, четче определить, как реагирует она на происходящее — в первой встрече с Ольгой, в ее отношениях с Геннадием, в сцене у Карташевых, когда Ольга намеренно показывает ей альбом с фотографиями и рассказывает о своем муже. Ведь характеру Нины особенно свойственна динамика — он должен во многом измениться у нас на глазах.

Интересно и убедительно справляется с ролью друга Карташевых, старого холостяка Бабкина заслуженный артист РСФСР П. Селиванов. Краски его тонки, скромны и вместе с тем точны, колоритны. Походка, жест, удачно найденная разговорная интонация, которыми артист характеризует своего героя, очень хорошо «работают» у него на главную цель. Недаром Бабкин — Селиванов с первых же сцен завоевывает симпатии зрительного зала.

Колоритный и остро характерный образ Подушкиной — квартирной хозяйки Геннадия Карташева, создает арт. В. Ворончихина.

В целом убедителен архитектор Карташев в исполнении арт. А. Королевского. Вместе с тем в ряде случаев создается впечатление, что артист играет несколько «облегченно», стремясь лишь к тому, чтобы произнести текст. Еще более серьезные претензии следует предъявить к арт. Н. Храшко (Геннадий). Он не сумел, к сожалению, «оживить»

своего героя. Геннадий в его исполнении получился безликим, лишенным обаяния молодости, тех качеств, на которые не могла не обратить внимания Нина. Сейчас же ее сближение с ним выглядит несколько неожиданным, незакономерным. Ведь не по расчету же решает она связать с ним жизнь и не потому, что какой-то срок вынужденно проводила с ним время.

В целом же исполнители играют в хорошем ансамбле, темпераментно, увлеченно. Вот почему нам кажется, что этой работой уссурийцы дали хорошую заявку на создание полноценного, интересного спектакля на современную тему.

Серьезное творческое начало присутствует и в ряде актерских работ в других спектаклях театра. В общем положительно можно оценить и другую работу театра — спектакль «Заводские ребята».

Прежде всего здесь хочется назвать полный душевной теплоты и мягкой женственности образ заводской девушки Шуры в исполнении арт. П. Поповой. Это одна из самых больших удач спектакля. В целом убедительные интонации нашел для своего Вани, бывшего беспризорника, а ныне молодого рабочего, арт. А. Ерощенков. Достоверны Серго (артист А. Королевский) и ряд других исполнителей.

Однако в спектакле не все сделано для выявления главной темы — утверждения красоты души простых заводских ребят и девчат, а на этой основе — разрешения вопроса о доверии к человеку, о возможности перевоспитания, безграничного совершенствования его в нашем советском обществе.

Главная сюжетная линия спектакля связана с перевоспитанием двух молодых людей, обладателей «трудных судеб» — Вани и Игоря. Без правильного разрешения этих образов нет и спектакля в целом. Между тем молодым актерам порой еще не хватает мастерства, умения «строить» роль, выделить решающие для развития образов моменты. Но если у А. Ерощенкова (Вани) это лишь частные недостатки, а общая

линия поведения героя намечена убедительно, то несколько хуже обстоит с бывшим представителем «золотой молодежи» Игорем (арт. Н. Храшко). Вместо того, чтобы пытаться понять и донести до зрителя внутреннее состояние героя, Н. Храшко на протяжении всего спектакля лишь равнодушно позирует, изображая всем своим обликом, голосом, жестами некоего «разочарованного героя» наших дней. А ведь если вдуматься, это очень сложный и интересный образ.

И тут невольно вспоминается другой исполнитель этой роли, которого нам удалось увидеть на сцене Владивостокского театра народного творчества при клубе им. Ильича, — слесарь Б. Ганзин. Он не профессиональный актер. Но сколько страстности, душевного понимания, заинтересованности вложил он в роль. Глядя на него, веришь: да, Игорь действительно сложный характер, интуиция, метущийся человек. Он сам совершил суд над собой, сам принял решение об искуплении своей вины и сейчас отыскивает в заводском коллективе пример, достойный подражания. Взять, например, сцену с Таней в красном уголке.

И. Храшко бесстрастно отдекламировал ее. А как интересно проводит ее Б. Ганзин. Тут — весь Игорь с его хорошим и дурным, с боязнью обнаружить это хорошее, с горькой иронией над собой.

Итак, основная идея в этом спектакле пострадала, творческие работы актеров оказались пераниженными, а это не могло не сказаться на уровне постановки в целом.

Неравноценность актерских работ, стремление исполнителей и режиссера идти порою по трафаретному, а следовательно, и более легкому пути в еще большей мере свойственны спектаклю «Чужой ребенок». В нем нельзя не отметить ростков подлинного искусства, удач отдельных исполнителей. Самая большая из них, без сомнения, — удача Н. Поповой, исполняющей роль главной героини — Мани Карауловой. Однако в целом, на наш взгляд, спектакль оказался ниже возможностей коллектива.

И тут нельзя не вспомнить такой, еще нередко проявляющийся в коллективе уссурийцев бля, как недостаточно вдумчивый подход к роли. Уж если на сцене подлец, то обязательно с кошачьими манерами и сальной улыбкой. Актрисы пет-пет, да и переходят на крик, «рвут страсти в клочки» (именно таким криком и несумным задирой с явно расшатанной нервной системой предстает, например, в «Заводских ребятах» Миша в исполнении Р. Кушнарера. Уж не за это ли выделила его из других такая замечательная девушка, как Шура?) Больше того, кое-где, явно в расчете на дешевой «успех», актеры совершают на сцене поистине акробатические прыжки (вспомним прыжок через стол во время довольно мирного разговора Перчаткина и Яши в «Чужом ребенке»). Странно, что режиссер не постарался предостеречь актеров от этого и подобных проявлений дурного вкуса в искусстве.

Довольно удачно художест-

венное оформление спектаклей, хотя в ряде случаев его хотелось бы видеть более ярким. Не всегда удовлетворит костюмы актеров. Разве обязательно, например, в доказательство того, что герои спектакля «Заводские ребята» тушили пожар, выпускать всех исполнителей намазанными и одетыми в рваные одежды?

С каждым годом растут, повышаются требования уссурийцев к искусству. Чтобы удовлетворять эти растущие требования, актерам городского театра предстоит еще немало сделать. И мы рады отметить, что при наличии серьезных недостатков коллектив этот все же, как убеждают лучшие его работы, идет вперед. Нам кажется также, что еще недопустимо мало внимания проявляют к театру руководители краевого управления культуры. А ведь это их долг — помочь организовать в театре творческую учебу, систематически организовывать квалифицированный разбор спектаклей. Настоятельно необходимо также укрепить и режиссерский состав театра (сейчас функции директора и режиссера здесь исполняет одно лицо — упоминавшийся уже нами и, кстати, активно взявшийся за работу в театре Е. Ребник).

Своими лучшими показанными в этом сезоне спектаклями коллектив Уссурийского театра сделал уже первые, пусть пока еще и не очень смелые, шаги на пути к сердцу зрителя. Пожелаем же ему идти размашистее, быстрее, четче.

Ю. МАТАФОНОВА.